

Без зрителя театра нет

СЕГОДНЯ вечером на сцену Таллиннского государственного Русского драматического театра выйдут герои пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». И начнется спектакль. Только название его будет другим — «Страдания молодого Глумова». Название изменено, очевидно, по тем же соображениям, какими руководствовался и Марк Захаров, ставя своего «Мудреца»: герои — Островского, сюжет — Островского, но спектакли, скорее, «по мотивам» — настолько они «из нашей жизни». В связи с этим можно было бы порассуждать на тему о том, насколько верен старый, чреватый когда-то суровыми органодами, вопрос: нужно ли осовременивать классику. Почему-то считается, что именно введение современных мотивов и акцентов «плохо влияет» на классику. Но похоже, что дело обстоит наоборот — не классика «осовременивается», а современность — «оклассичивается» (если можно такой термин употребить), подчеркивая слабую изменчивость человеческой натуры и устойчивость жизненных пороков и добродетелей. И в этом фарсе-ксллаже, как называл его режиссер Александр Сухачев, предпринята попытка именно такого рода: с помощью классики говорить о сегодняшнем дне. Какие новые открытия ждут нас в давно знакомом произведении, знают только те таллин-

цы, кто успел посмотреть спектакль в самом конце прошлого сезона. Но так как было всего два представления, то «Страдания молодого Глумова», открывающие сегодня 43-й сезон, — премьера.

Открывать сезон премьерами — давняя традиция Русского театра, и она свято соблюдается, — завтра таллиннцев ждет встреча с героями Василия Шукшина. «А поутру они проснулись» — вещь известная, тем более интересно узнать, как прозвучит она сегодня. Режиссер спектакля — Александр Литкенс, имя для Таллинна новое.

КАК сложится афиша сезона в дальнейшем? На этот вопрос отвечает художественный руководитель театра Григорий МИХАЙЛОВ.

— Михаил Морейдо, режиссер, уже поставивший в Таллинне два спектакля, в том числе «Молиту», приступил к репетициям французской комедии «Не верь глазам своим». Это шлягер, отлично сделанная смешная пьеса, с неожиданными ходами. Думаем, что и актерски тут будут точные попадания. В общем, ожидаем рождения настоящего комедийного спектакля.

Я сам приступаю к работе над Чеховым. В свое время ставил «Три сестры» и «Дядю Ваню». Думал о Чехове сегодня, я колебался между «Чайкой» и «Вишневым садом» и выбрал «Вишневым сад». Сейчас он звучит кон-

кретнее и точнее, чем «Чайка». «Чайка» — для стабильного положения в мире, а в наше тревожное время «Вишневым сад» кажется точнее.

— И Петя Трофимов победит Лопухина...

— И Петю Трофимова тоже расстреляют в конце концов, вот ведь в чем дело. Для меня в драматургии Чехова самое важное, что она — сама жизнь. На сцене живут люди, с которыми что-то происходит. Но при всем том существует и некий абсурд. Во всю иштейскую гущу Чехов каким-то образом вводит нечто странное... Ну как в «Трех сестрах» — Москва, Москва — почему именно Москва? Это то, что непреодолимо. И в «Вишневом сад» есть, на мой взгляд, некий абсурд, и на этом сочетании возникает удивительная музыкальность. Для меня Чехов очень музыкален. А загадка его в том, что вроде ничего не происходит, хотя много чего происходит. У него все как бы размыто, но при всем том найти точный подход очень трудно. Понимаете, не просто грустные люди, какие-то мечтания, предчувствия — тогда скукота, а вот чтобы появилось конкретное наполненное жизненное пространство... Это очень трудно, хотя, конечно, есть великие чеховские спектакли, совсем недавно видел такой — «Дядя Ваня» Эймуна-таса Некрошюса.

Чехов невероятно интересен для меня и, думаю,

интересен и полезен и для актеров. У нас есть очень способные люди, но история театра складывалась так, что в последние годы чаще можно было проявиться в зрелищном представлении. Поэтому, думаю, Чехов нам всем полезен, — даже если и не вполне получится все, что хотим. Конечно, я не знаю, как отнесется к спектаклю зритель — о Чехове нередко бытует такое школярски-пренебрежительное мнение: а, Чехов, знаем, скукота, нитье... Но ведь не все так думают, и мы хотим дать зрителям возможность выбора и сочетания, чтобы у нас шли и драма, и комедия, и музыкальные представления.

Есть замысел — поставить для детей «Голого короля». Это мысль Светланы Красман, я не знаю, как она повернет пьесу, в традиции ставить ее для взрослых, во всяком случае, замысел интересный.

Пьеса Нины Садур «Панючка» привлекла внимание режиссера Юлия Дворкина, он очень увлечен этой вещью. О Нине Садур у нас говорят много, а ставят мало, пьесы у нее с поворотом, полные мистики, у нас ставить это не очень умеют, опыта нет, и нужно ждать какого-то нового результата.

В планах — музыкальный спектакль, обязательно, либо «Трехгрошовая опера», либо мюзикл о Рудольфе Валентино, такого бродвейского типа, очень любопытный.

Есть в планах и пьеса С. Шеппарда, думаем об «Опасных связях» Шодерло де Лакло...

— Афиша задумана лихо — и коммерческие названия высокого качества, что редко бывает.

— У нас город сравнительно небольшой, и театралов не так много, как хотелось бы. А я не понимаю театра без зрителя — с пустым залом театра нет. Поэтому ищем, как привлечь зрителя, не идя на дешевку.

— А сюрприз будет?

— Какой сюрприз?
— Какой-нибудь... Просто — сюрприз для зрителя. Но — приятный.
— Будет. Придумаем.

ПОЧЕМУ заколочен тот вход в театр, к которому уже привыкли? Этот вопрос раздается довольно часто, хотя директор театра Александр Ильин уже на него отвечал:

— Нужен капитальный ремонт здания. С этой проблемой мы живем много лет. Заветная строчка о капитальном ремонте попала в два пятилетних плана и бесследно из них исчезла. Дело в том, что потолок у здания — подвесной, свод висит на тросах, прикрепленных к деревянным балкам, установленным в 1926 году, одна уже треснула. Нужно снять крышу, заменить балки на железобетонные, вновь подтянуть потолок и реставрировать его. Все это можно проделать, только по-

ставив здание на капитальный ремонт. Если ремонт не сделали за последние 15 лет, то теперь тем более сомнительно, что его сделает кто-то, кроме нас самих.

В конце сезона мы обратились к специалистам Технического университета. Они установили на балках датчики, и сейчас нас уведомляют, что потолок еще повисит несколько лет безо всякого риска, а потом уже можно начинать волноваться. Но мы волнуемся сегодня, поскольку, помимо потолка, у нас самая устаревшая в республике сцена, если не считать Раквереского театра, так же давно вопиющего о ремонте. Проекты все есть. Есть протоколы, есть решения, и не одно. Последний проект реконструкции, сделанный «Гипротеем» в 1987 году, предусматривал стоимость ремонта в 4,5 миллиона, сегодня это стоит минимум в два раза дороже. Ни у министерства, ни у города, ни у республики нет ни денег, ни средств, чтобы спасти здание.

Мы с кровью оторвали от себя кусок и передали бывшую «Асторию» акционерному обществу «Астория» с тем, чтобы они нам построили в нашем дворе здание с малым залом, куда мы и переедем на период ремонта. Подготовлены два технических задания для малого зала. Оба эти варианта горисполкомом не утверждены, сейчас готовится третий. Надеемся — окончательный.

Поэтому заколочен вход в театр, к которому привыкли.

Э. КЕКЕЛИДЗЕ